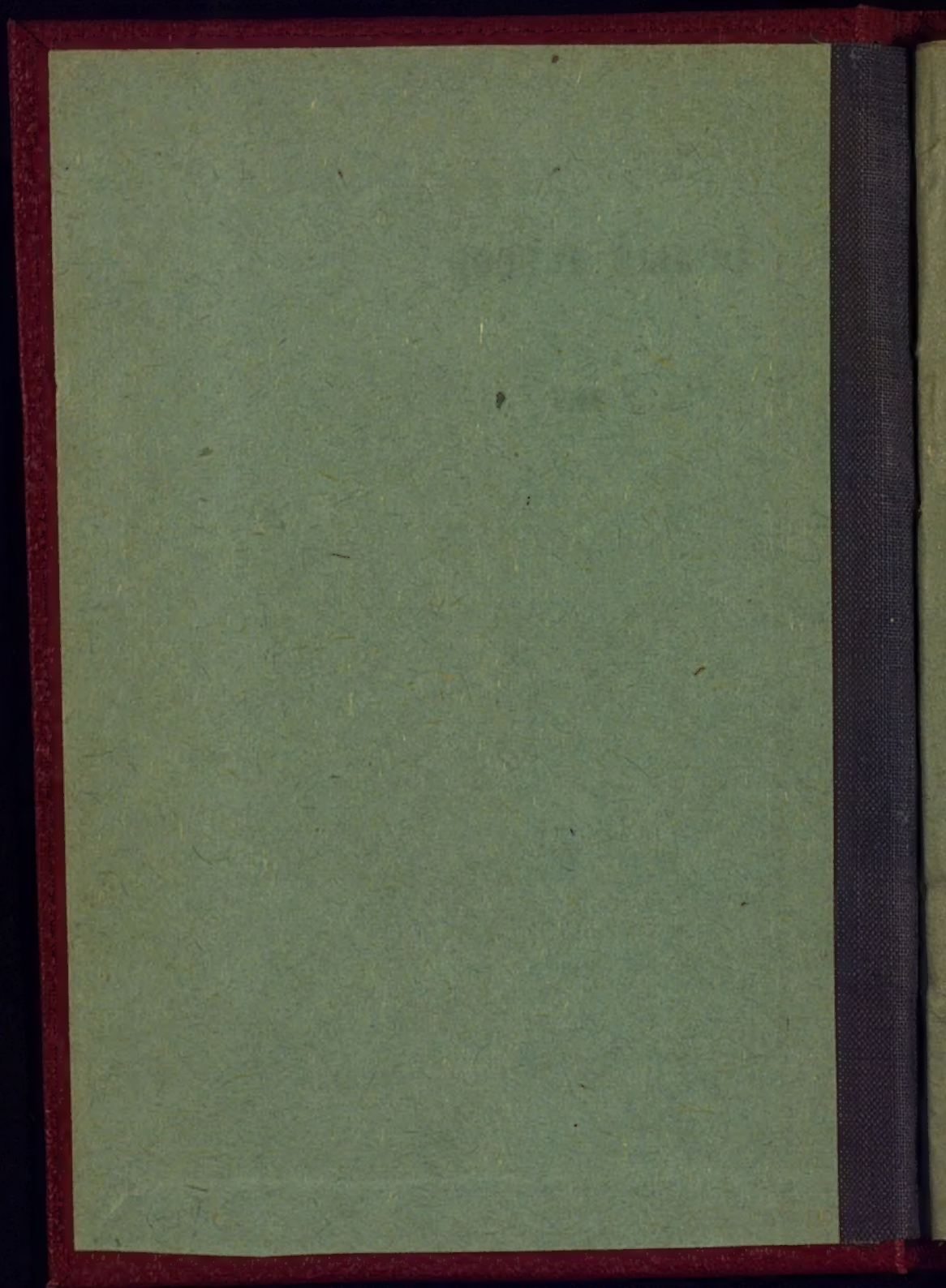
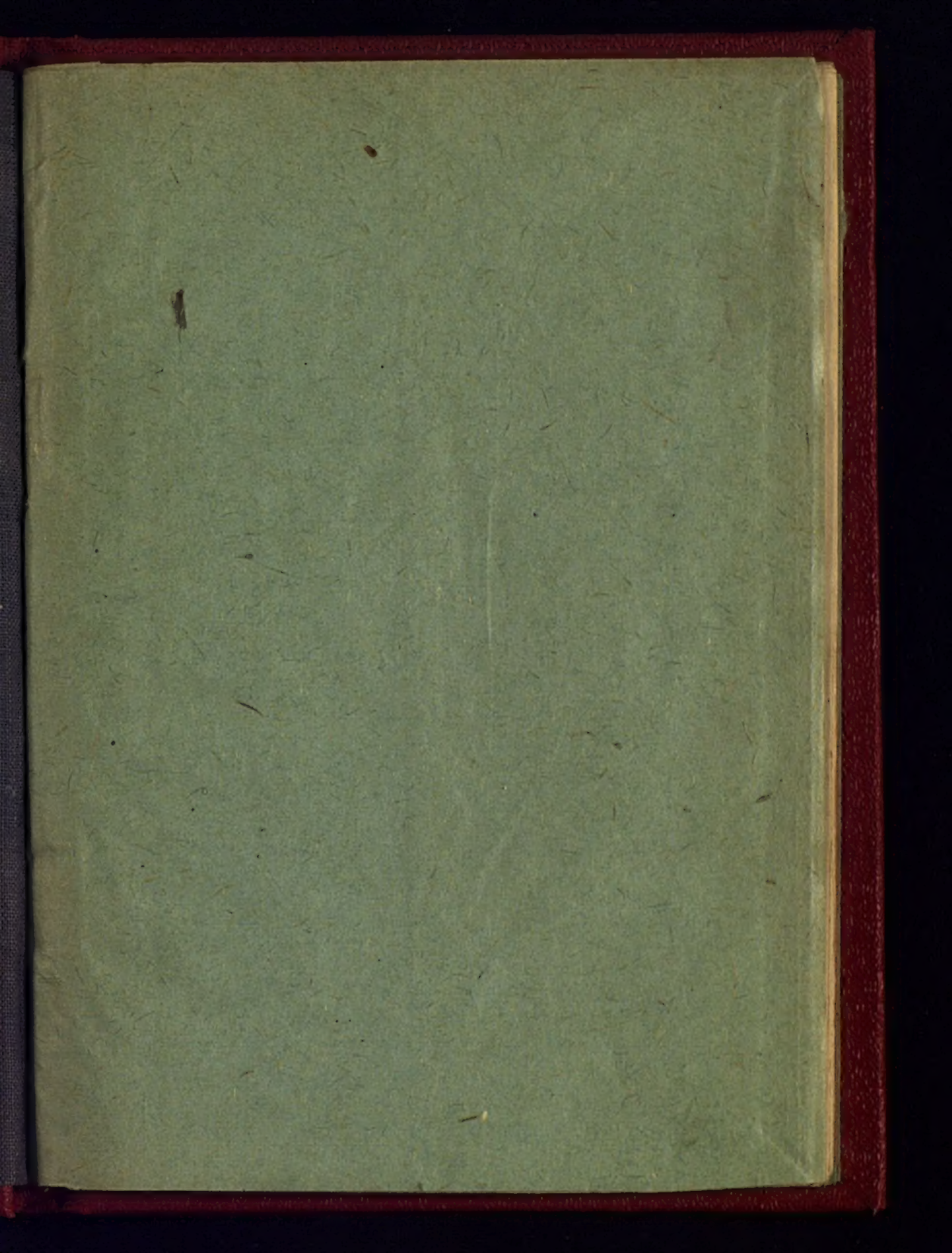
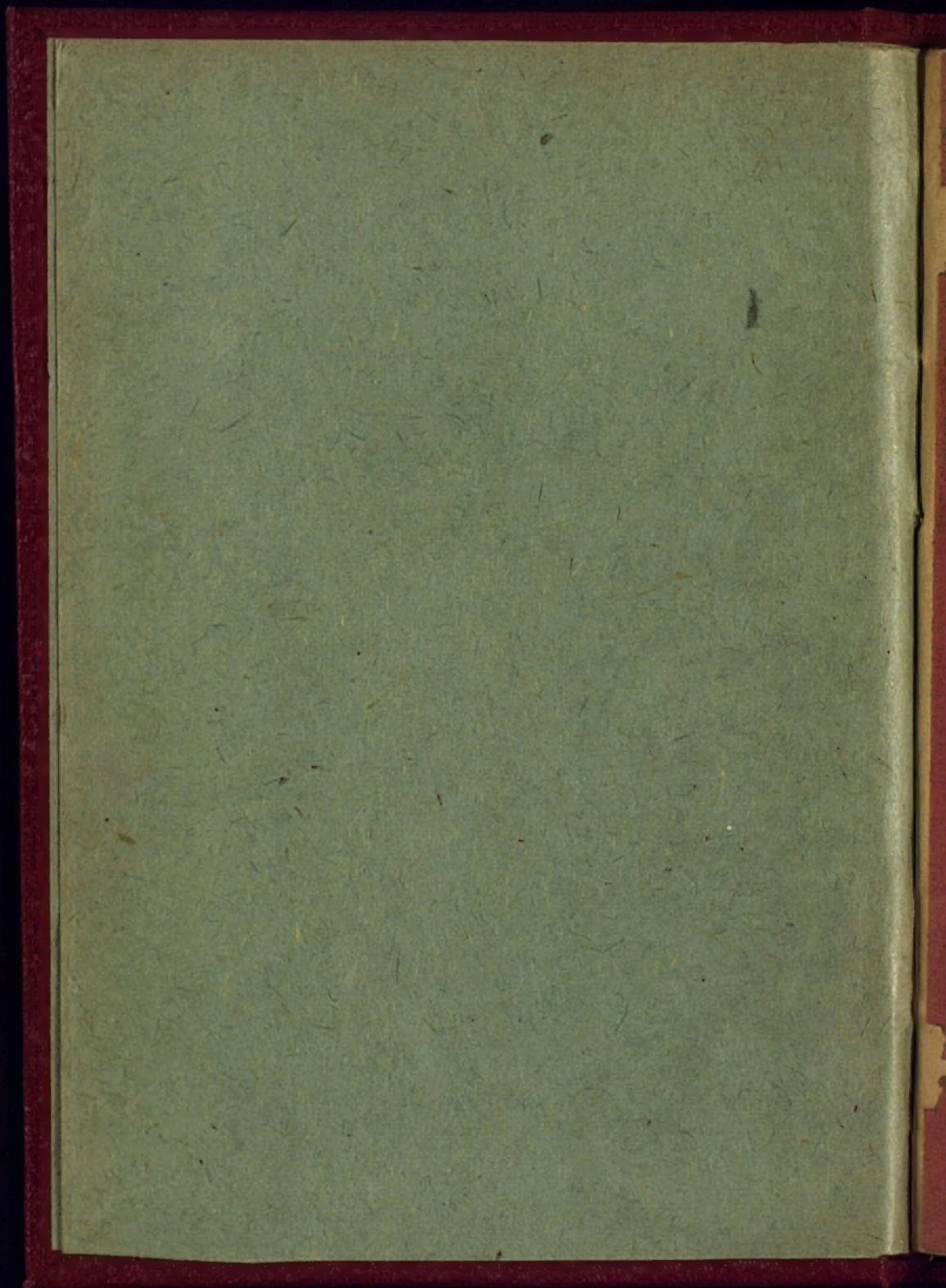

Белый террор

1 экз

ЦГП

Б 426 ИЗДАНИЕ „ВОЛИ“

БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ.

X

* * *

- 1) Отъ издателей.
- 2) Правительственный терроръ.
- 3) Усмиреніе Прибалтійскаго края.

НАГАСАКИ.

ТИПОГРАФИЯ ГАЗЕТЫ „ВОЛЯ.“

1906г.

17 090

1000

ЦГ II 6020 рз
Б 426

41239/1

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Статьи „Правительственный терроръ“ и „Усмиреніе Прибалтійскаго края“ перепечатываются нами цѣликомъ по многимъ основаніямъ. Во-первыхъ, онѣ представляютъ изъ себя замѣчательную сводку террористическихъ дѣяній правительства, — сводку, сдѣланную ~~легальнымъ~~ *незаконнымъ* органомъ печати и потому свободную отъ всякаго подозрѣнія въ тенденціозномъ подборѣ фактовъ. Во-вторыхъ, статьи Энгельгардта и Альбионова заслуживаютъ вниманія общества еще въ томъ отношеніи, что онѣ являются яркимъ выраженіемъ того рѣзкаго отношенія даже россійской печати къ нашему правительству, въ которомъ такъ часто упрекали нашу *незаконную* газету. Наконецъ, глубоко и сильно выраженное чувство негодованія и протеста и другія прекрасныя литературныя достоинства этихъ статей служатъ для насъ также побужденіемъ перепечатать ее. Къ тому же „Журналъ для всѣхъ“, хотя и выходящій почти въ 100,000 экземплярахъ, какъ и многое другое изъ радикальной и социалистической повременной русской литературы, почти совсѣмъ не достигаетъ Японіи и русскаго Дальняго Востока. Поэтому, мы увѣрены, что „Правительственный терроръ“ и „Усмиреніе Прибалтійскаго края“ для большинства нашихъ читателей не будутъ повтореніемъ извѣстнаго.

исторія России съ 9 января 1905

года,--какъбы сборникъ худшихъ страницъ изъ исторіи человѣчества. Читая объ истязаніяхъ и избіеніяхъ дѣтей въ Курскѣ, Псковѣ, Томскѣ, Казани, западныхъ и южныхъ городахъ, гдѣ еврейскихъ младенцевъ разрывали на части, мы вспоминаемъ Прода, потребявшаго младенцевъ. Совѣтъ Дурново прибалтійскимъ усмирителямъ: «не стѣсняться тѣмъ, что на одного виновнаго будетъ разстрѣляно пятеро невинныхъ»,--не напоминаетъ ли словъ Симона Монтора, рекомендовавшаго стрѣлять альбигойцевъ, не разбирая еретиковъ и правовѣрныхъ: «на томъ свѣтѣ разберутъ»? Чѣмъ паѣзды опричниковъ на деревни времъ нѣ Ивана Грознаго отличаются отъ паѣздовъ Луженовскихъ, Рыжовыхъ, Филоновыхъ и проч. на современныя деревни: тѣ же убійства, тѣ же истязанія, тѣ же насилія... И, конечно, въ тѣ времена такъ же, какъ теперь, «цѣлыя деревни коровами срублены»!

Испанскіе завоеватели Америки загоняли индейцевъ въ сараи и сжигали ихъ живьемъ; такъ сжигали и русскихъ обывателей въ Томскѣ, Одессѣ, въ Грузіи, гдѣ въ сожженныхъ полкъ вникъ Крыловымъ селахъ сгорѣло не мало жите-

лей. И какъ послѣ нашествія гунновъ, готовъ, монголовъ, въ опустошенныхъ областяхъ, усѣянныхъ трупами и развалинами сожженныхъ «подъ метлу» селеній, водворялись голодъ и моръ, такъ и нынѣ, съ Кавказа, и изъ прибалтійскихъ губерній сообщаютъ о наступленіи голода и усиленіи болѣзней, благодаря опустошеніямъ «карательныхъ экспедицій».

Упомянемъ подробнѣе о пыткахъ, которыя никогда не исчезали изъ нашихъ полицейскихъ застѣнкозъ, а теперь возстановлены совершенно откровенно. Въ деревняхъ истязаютъ крестьянъ, добиваясь выдачи зачинщиковъ. Известно, какимъ пыткамъ подвергли Спиридонову: изъ рукъ палачей она вышла съ отбитыми легкими, кровохарканіемъ, съ развившимся вслѣдствіе пытокъ туберкулезомъ, полуглухой, полуслѣпой и изнасилованной. Измайловичъ въ Минскѣ били кулаками, били нагайками, топтали ногами, плевали ей въ лицо, тушили папирсы объ ея тѣло.

Этого рода пытки—топтанье ногами, порка нагайками, битье по лицу (двое держатъ истязуемаго за руки, а третій бьетъ), бросаніе

о полъ и т. п. практикуются давно и повсемѣстно; но въ послѣднее время эти, такъ сказать, систематизируются и разрабатываются детально. Въ Варшавѣ цѣлая система пытокъ выработана начальникомъ сыскаго отдѣленія Гриномъ, который въ 1902 году былъ лишенъ правъ состоянія за мошенничество (вымогательство), но по высочайшему повелѣнію помилованъ, получилъ повышение и теперь «оправдываетъ довѣріе» властей. Онъ придумалъ между прочимъ, способъ пытки: показаній, кажется, никогда еще не примѣнявшійся: арестованнаго сажаютъ вмѣстѣ съ караульнымъ, которому предписано истязать арестанта: онъ бьетъ его кулаками, прикладомъ, палкой, хватаетъ за волосы и колотитъ головой о стѣну, заставляетъ стоять не шевелясь и бьетъ за малѣйшее движеніе, и т. д. Такъ продолжается по нѣсколько дней. Кромѣ того, истязуемыхъ морятъ голодомъ и жаждой, бьютъ по лицу, подъ бока, по животу, палками по икрамъ, вырываютъ имъ волосы, прыгаютъ со стола на грудь и животъ, царапаютъ подошвы и проч. Въ газетахъ появился уже цѣлый рядъ

сообщений о Варшавских пытках; но теперь наше начальство гласностью не стѣсняется. За-мученных до смерти выбрасываютъ въ Вислу: «Жизнь и Свобода» сообщаетъ, что недавно въ Варшавѣ рыбаки выловили подъ цитаделю (гдѣ производится пытки) 16 труповъ, связанныхъ проволочнымъ ка атомъ, «лица ихъ были залиты смолой; трупы были страшно изуродованы». Но въ одной ли Варшавѣ практикуются систематическія пытки? сколько еще такихъ застѣнковъ раскидано по Россіи?

Такъ какъ дѣятельность нашего правительства продолжаетъ развиваться въ одномъ и томъ же направленіи, то можно предполагать, что систематическая пытка вскорѣ водворится повсемѣстно наряду съ пытками, не систематизированными, уже практикующимися повсюду. По крайней мѣрѣ, даже въ Петербургскихъ тюрьмахъ замѣчается усердіе въ этомъ направленіи: силой возятъ на допросъ, силой таскаютъ снимать фотографіи, и во время съемки держатъ за руки, за ноги и за волосы, доводя женщинъ до первыхъ припадковъ, обращаются грубо, говорятъ «ты», усиливаютъ строгости, собира-

ются ввести въ качествѣ надзирателей семеновцевъ; а въ жандармскомъ управленіи открыто заявляютъ: «Это еще что, потомъ попытъ будемъ».

Только въ отношеніи разнообразія смертныхъ казней наши умиротелы еще не воскресили всей свирѣпости прошлыхъ вѣковъ. Они вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, засѣкаютъ на смерть, иногда сжигаютъ живьемъ, но еще не сажаютъ на колъ, не колесуютъ, не перепиливаютъ на двое. Въ последнее время вводится, повидимому, казнь голодной смертью. Голодовки, какъ отвѣтъ на жестокое обращеніе, давно уже практикуются въ русскихъ тюрьмахъ; нынѣ онѣ сдѣлались хроническимъ явленіемъ,—за 3 мѣсяца мы насчитали 29 голодовокъ въ разныхъ тюрьмахъ Россіи, длившихся отъ 2 до 12 дней; но, кажется, до сихъ поръ начальство не рѣшалось доводить ихъ до конца, а теперь начинаютъ появляться въ газетахъ сообщенія въ родѣ слѣдующаго: «Изъ Пятигорска: Въ свободѣ Альчикъ умеръ отъ голодовки политическій арестованный Рубинъ». Конечно, это законическое сообщеніе слѣдуетъ читать: «умо-

рили въ тюрьмѣ голодомъ политическаго арестованнаго Рубина». Цикло добровольно не умираетъ отъ голода, но можно довести человека до отказа отъ пищи и до голодной смерти. Повидимому, это имѣется въ виду: на дняхъ въ газетахъ сообщалось о проектируемомъ усиленіи строгости тюремнаго режима; въ Екатеринбургской тюрьмѣ политическихъ быють прикладами и парийками; московскій градоначальникъ Ф. Рейнбольтъ по поводу голодовки политическихъ не безъ ироніи заявилъ, что имъ мѣшать не будетъ, а остающіяся деньги употребить на улучшение пищи другихъ заключенныхъ; арестованнаго Вышенко въ тѣ Себежѣ продержали 6 дней безъ пищи; а въ Севастопольской тюрьмѣ 2 арестованныхъ посадили въ тюрьму, забили двери гвоздями, и такъ держали запертыхъ безъ пищи въ теченіе полутора сутокъ. .. Есть, однако, разница между кровавой исторіей нашихъ правителей и извѣстными старинныхъ тирановъ: наши не менѣе жестоки, но гораздо гаже! Обратите вниманіе на специфическую черту нашей усмирительной кампаніи: этотъ характеръ подлого издѣла-

тельства и надругательства надъ людьми, невольно вызывающій представленіе о какой-то новой породѣ, новой расѣ двуногихъ звѣрей, порожденной нашей мрачной и жестокой исторіей. Въ старыя времена убивали и мучили, но не ждали убійствомъ и муками. Теперь мы видимъ, кромѣ того, стремленіе унижить, оплевать, отхлестать по щекамъ, тушить папироски о лицо истязуемаго, и т. п. Старинныя застѣнки не видали такихъ сценъ, какъ, напр., истязаніе Спиридоновой или варшавскія пытки! Думалось, худшія проявленія жестокости и гнусности уже пережиты и отжиты челоѣчествомъ; но вотъ оказывается, что въ его исторіи еще не было такой кровавой и омерзительной страницы, какую вписываетъ въ нее наше правительство, и даже...

И еще есть одно важное различіе. Старинныя завоеватели, опустошители, усмирители дѣйствовали въ духъ своего времени—жестokaго, суроваго и темнаго. Худшія правительства старыхъ временъ не слишкомъ отличались отъ своихъ народовъ. Тогда вѣдь пытки и жестокія казни считались необходимыми; на-

казаніе цілої містности, цілого населенія за поступки окремихъ лицъ допускалось тог-
дашнімъ правомъ; релігійный фанатизмъ
предписывалъ истреблять еретиковъ и иновѣр-
цевъ... То были времена оуровныхъ правовъ и
дикихъ воззрѣній. Поэтому, даже злѣйшія пра-
вительства тѣхъ временъ не производятъ впе-
чатлѣнія подбора худшихъ элементовъ націи:
они были «по Сенькѣ шапкой».

Теперь не то! Теперь другіе правы и другія
понятія. Народъ нашъ не обнаруживаетъ сви-
рѣости и звѣрства: ни крестьянство, ни ра-
бочіе, ни деревенская, ни городская масса
населенія. «Черная сотня», готовая на всякое
преступленіе, составляетъ меньшинство народа,
которое безъ поддержки со стороны власти не
могло бы и пикнуть. Даже въ тюрьмахъ,
среди уголовныхъ преступниковъ, даже въ поч-
товыхъ домахъ среди босиковъ звѣрства ус-
мирителей сплосивъ и рядомъ возбуждаютъ от-
вращеніе и протесты. Вотъ это и есть поносъ,
этого еще не бывало въ исторіи человечества.
Мы слишкомъ долго оставались при абсолю-
тизмѣ: эта отжившая, мертвая и мертвающая

система, для которой всякое проявление жизни опасно, а потому и непарностно, может опираться только на худшие элементы нации. Она до того противречит современнымъ понятіямъ о правѣ, порядкѣ и законности, что можетъ допускать въ свой составъ только лицъ, неспособныхъ усвоить азбуку права. Въ этомъ смыслѣ и совершившійся естественный подборъ членовъ нашей бюрократіи въ теченіи десятилѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ себя: чѣмъ вызванъ этотъ кошмаръ, эта кровавая баня, представляющая какъ бы повторительный курсъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи злодѣйствъ? Революціоннымъ движеніемъ? Нѣтъ, самое непродолжительное размышленіе покажетъ пошлость, этого объясненія. Революціонное движеніе послужило только выходящимъ толчкомъ, вызвавшимъ наружу тѣ свойства нашего правительства, которыя давно уже рвались наружу и рано или поздно прорвались бы безъ всякаго революціоннаго движенія. Въ самомъ дѣлѣ, вспомните презкія проявленія жестокости и самодурства, не вызывавшіяся рѣшительно ничѣмъ, кромѣ внутренняго побужденія, неупер-

жимой склонности къ преступленіямъ, давно уже характеризующей нашу бюрократію. Исторія съ Финляндіей, напр., ненужная, бессмысленная,—жилъ себѣ народъ мирно и смирно; такъ иѣтъ,—скрутимъ его въ бараній рогъ! заставимъ его корчиться отъ боли подъ нашимъ каблукомъ! Или исторія съ армянами: это надругательство надъ самыми заветными чувствами народа, поражающее своей ненужностью и превратившее лояльную, чтобъ не сказать благонамѣренную, группу населенія въ ожесточеннаго врага правительства! Или травля поляковъ, евреевъ, звѣрскія выходки Фонъ-Валей, Богдановичей и т. п. и безчисленныя проявленія неодолимой склонности дѣлать зло ради зла! Все это заставляло, ожидать что истинная сущность нашей бюрократіи прорвется, наконецъ, наружу въ полномъ блескѣ; и какъ японскія война послужила только внѣшнимъ поводомъ къ обнаруженію безшабашнаго легкомыслія, феноменальной бездарности и закоренѣлой страсти къ хищенію нашихъ правителей, такъ революціонное движеніе дало имъ, наконецъ, случай обнаружить весь удержива-

свою злость, кровожадность и страсть къ мучительству.

„Кровавая баня“ готовилась давно—не, революціоннымъ движеніемъ, систематическимъ подборомъ и соотвѣтственнымъ воспитаніемъ.

Это сочетаніе двухъ факторовъ—подбора и воспитания—должно было привести, наконецъ, къ полному устраненію закона, порядка и права, человѣчности и справедливости изъ русскаго обихода; и еслибы никакого революціоннаго движенія не было, этотъ результатъ все равно наступилъ бы. Это необходимый результатъ долгаго историческаго процесса, естественный плодъ абсолютизма,—системы, которая въ наше время можетъ и должна развиваться только въ эту сторону, т. е. въ сторону систематическаго подбора худшихъ въ составъ своей организаціи.

Для нашего правительства обнаруживаютъ это достаточно ясно; но, пожалуй, еще рельефнѣе выступаетъ истинная причина переживаемыхъ нами ужасовъ въ его словахъ, въ прика-

захъ и объявленіяхъ, всѣхъ этихъ Карапгозовыхъ Скалоновъ, Пейдгардтовъ, Курловыхъ, Ренненкамповъ, Чухинныхъ и проч., и проч. Они печатались въ газетахъ, вызывали изумленіе и негодованіе; но мы приведемъ здѣсь краткій сводъ этой литературы. Государственная Дума въ которой самую крайнюю партію составляютъ „кадеты“,*) уже заявившія себя сторонниками мирныхъ путей и противниками революціи, попытается вѣроятно заставить принудить правительство (отказомъ утверждать бюджетъ, займы и налоги) водворить въ странѣ законность, порядокъ, право, „незыблемыя основы свободы гражданской“. Можно ли рассчитывать, что она будетъ имѣть успѣхъ хотя бы только въ этомъ отношеніи (не говоря о широкихъ социальныхъ реформахъ, которыхъ Дума и сама не захочетъ)? Для этого прежде всего нужно рѣшить вопросъ, такова ли наша бюрократія, чтобы ее можно было заставить или принудить отказаться отъ произвола? Такова ли она, чтобы сама могла заставить или принудить къ этому,

Прим. Ред. Статья писалась во время выборовъ въ Думу, когда составъ ея еще не опредѣлился.

властна ли она надъ своими преступными наклонностями?

Дѣла ея говорятъ громко, но дѣла иной припишетъ временному озлобленію, припадку ярости, испугу, — тогда какъ въ указахъ и объявленіяхъ обнаруживаются тѣ органическія свойства, которыя никакихъ другихъ дѣлъ породить не могутъ. Потому, какъ ни тяжела и утомительна эта литература, мы приведемъ ее и рекомендуемъ особенному вниманію читателя.

На ряду съ кровожадностію и злостью, обратите вниманіе на поразительное легкомысліе, цинизмъ, игривость, отсутствіе всякаго представленія о томъ, что такое государство, законъ, право, на признаки слабоумія и нравственной атрофіи, характеризующіе прирожденныхъ преступниковъ, и знакомые тѣмъ, кому случалось читать работы Ломброзо, Гальтона, Ферри и др.

„Впередъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ назначать не стану, объявляетъ генераль-губенаторъ Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, Бауеръ — но буду предъявлять опредѣленные требованія и налагать взысканія, уклоненіе или неисполненіе которыхъ повлечетъ за собою раз-

рушеніе и уничтоженіе виновныхъ селеній, безъ всякаго разбора правыхъ и виновныхъ лицъ въ отдаленности... Въ селеніе, въ которомъ послѣ объявленія сего приказа окажется невыданнымъ добровольно хотя бы одно ружье, револьверъ, кинжалъ и прочее оружіе, хотя бы одинъ не явившійся своевременно повобранецъ, хотя бы одна неисполненная повинность, хотя бы одна непризнанная закономъ власть и т. п., — въ такое селеніе мною будутъ присланы войска, но не для экзекуціи, отобранія оружія и пр. а съ единственной цѣлью разрушить до основанія все селеніе. Предупреждаю, что каждую букву, мною въ этомъ приказѣ подписанную, приведу въ исполненіе безъ всякихъ отступленій". Вы думаете, этотъ обосноватый даромъ похвастался. Будьте покойны: селенія разрушены до основанія, правые и виновные перебиты безъ разбору, женщины и дѣвочки отъ 11 лѣтъ изнасилованы, имущество разграблено и цѣлая область лежитъ въ развалинахъ, опустошенная, раззоренная и залитая кровью.)

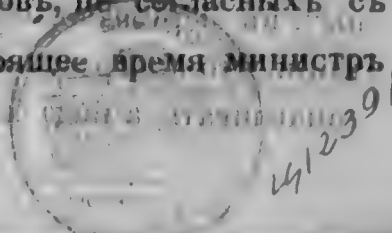
„Наша Жизнь“ отъ 6-го марта корресп. изъ Тифлиса.

Онъ не одинъ, этотъ невмѣняемый, — онъ только одинъ изъ легіона, — „Аскеранцы! восклицаетъ въ приказѣ отъ 1 января 1906 г. „государя нашего войсковой старшина Иванъ Эрастовичъ фонъ — Осаровскій, — я, начальникъ сообщеній войскъ отъ Евлаха до Шуши, хотѣлъ бы войти въ Шушу, яко Христось на ослати грядуще, но если... вы заставите меня поднять оружіе, то еще при жизни своей справлю по себѣ такую тризну, что содрогнутся окрестныя горы, уже потрясенныя видомъ вашихъ беззаконій“. Вы скажете, прочитавъ этотъ приказъ: „Что за скоморохъ!“ Да, конечно, но попадите-ка въ „сферу досягаемости“ этого скомороха, когда онъ примется „оправлять по себѣ тризну“, — допущу ли вамъ будеть!

Екатеринославскій ген.-губернаторъ объявилъ, что за преступленіе подданныхъ виновные будутъ судиться военнымъ судомъ; такъ что даже казенная палата рискнула возразить, что недоимка не преступленіе и не только смертной казнью, но и никакимъ наказаніемъ, кромѣ гражданской ответственности, не должна караться. — Генералъ Сухотинъ въ Оменѣ „кратко“ вѣщалъ, по рази-

тельно", предписавъ своимъ подчиненнымъ „раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не осталось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ". — Баронъ Каульбарсъ прославился установленіемъ „смертной казни въ административномъ порядкѣ". — „Всѣ замѣченные въ ношеніи холоднаго оружія, объявляютъ полк. Левицкій (на Кавказѣ), и не имѣющіе на то разрѣшенія будутъ считаться разбойниками и подлежатъ разстрѣлу на мѣстѣ обнаруженія". — „Я, какъ хозяинъ губерніи, заявляетъ саратовскій губернаторъ Столыпинъ*) крестьянамъ Кузнецкаго уѣзда, — могу всѣхъ васъ положить на камень и ногой придавить, такъ что отъ васъ останется только мокренько". — „Правда на вашей сторонѣ, объясняетъ арестованнымъ помощникъ начальника временной петербургской тюрьмы, — но власть и сила на нашей". — Кремлечутскій ген.-губ. сыплетъ приказами; изъ нихъ особенно хороши два: въ одномъ объявляетъ, что крестьяне, „виновные въ составленіи общественныхъ приговоровъ, не согласныхъ съ

*) Прим. ред. Въ настоящее время министръ внутреннихъ дѣлъ

законами, будутъ судимы военнымъ судомъ"; въ другомъ, что крестьяне, виновные въ смѣщеніи должностныхъ лицъ, „будутъ разстрѣливаемы безъ суда“. — Ген.-губ. Скалонъ предпринимаетъ „разстрѣливать до полного уничтоженія толпы манифестантовъ“ и „разсѣивать огнестрѣльнымъ оружіемъ сходки и митинги“, а ген. Сахаровъ (въ Ташкентѣ) обѣщаетъ забастовавшимъ рабочимъ: „силою штыка и пули я заставляю васъ работать“. — Подполковникъ Яблонскій (на Юго-Западной ж. д.) развиваетъ ту же тему поробивъ: „пуля и штыкъ должны быть въ полномъ ходу и не стѣсняться послѣдствіями“. Машинистамъ предложить три раза ѣхать на паровозѣ и, послѣ отказа, перваго открывшаго ротъ для возраженія--убить на мѣсть“. — Хороши тоже изреченія адмирала Дубасова: въ Курской губерніи онъ объявляетъ, что, въ случаѣ возникновенія беспорядковъ въ какомъ-либо сельскомъ обществѣ, „все жилища такого общества и все его имущество будутъ по приказу моему уничтожены“; въ Черниговѣ объявляетъ городской депутации, что „погрома еврейскаго нельзя было останавливать, а надо было дать вылиться негодо-

ванію русских людей"; въ Москвѣ еще до возста-
 нія грозить представителямъ города: „Пока
 существуетъ слово самодержавіе, представите-
 лемъ котораго въ Москвѣ являюсь я, каждый не
 признающій этого будетъ повѣшенъ“; а послѣ
 разгрома Москвы произносить успокоительную
 рѣчь, которой объясняетъ русское революціон-
 ное движеніе кознями „международнаго и глав-
 нымъ образомъ еврейскаго союза, соблазнив-
 шаго своими преступными ученіями добро-
 душный русскій народъ“, совѣтуетъ не
 считать напрасной его «разрушительную
 работу»; такъ какъ «только изъ комизин
 созидательной и разрушительной работы
 можетъ создаться что-либо новое» и закан-
 чиваетъ пріятнымъ обѣщаніемъ: „можетъ быть,
 намъ суждено принести новыя искусственныя
 жертвы. Будемъ же смотрѣть на эти жертвы,
 какъ на такія, которыхъ требуетъ сама Вѣс-
 щая Справедливость, и не будемъ останавли-
 ваться передъ ними“... Какъ видите, въ адми-
 ральскую голову забралось даже нѣчто изъ фи-
 лософін, или, вѣрнѣе, нѣчто изъ мнѣологіи;
 о борьбѣ разрушительнаго и созидательнаго

начла, Ормузда и Аримана, Тифова и Гора... Но, какая ужасная смѣсь: эти свирѣпыя угрозы висѣлицей, огнемъ и мечемъ „добродушному русскому народу“, ребяческія выходки насчетъ международнаго, главнымъ образомъ еврейскаго, союза“, соблазнившаго Россію, и кощунственныя заявленія объ „искупительныхъ жертвахъ“, требуемыхъ „самой Высшей Справедливостію“!... Бѣдная адмиральская голова... но ея ли жалѣть? Каково положеніе населенія, для котораго [кровожадный сумбуръ, наполняющій эту голову, реализуется въ расстрѣлы, поджоги, казни, опустошенія!...

Они не только философствуютъ и кощунствуютъ, наши отцы отечества, — они любятъ и поострить, грубо, плоско, злобно, но съ наслажденіемъ. Генераль Прасоловъ телеграфируетъ „Закаспійскому Обозрѣнію“: „Прошу напечатать копію моей телеграммы въ редакцію газеты „Асхабадъ“: „Мели Емеля—твоя недѣля. Прасоловъ“. Это тотъ самый Прасоловъ, который съ буквальною точностью воспроизвелъ въ Кушкѣ исторію щедринскаго „помпадура борьбы“, Оединьки Кротикова, истреблявшаго кра-

молу въ городѣ Навозномъ и предпринима-
шаго „крестовый походъ въ пригородную зло-
боду для изгнанія сатаны“. Прасоловъ истреб-
ляетъ крамолу въ Кушкѣ, арестовалъ нѣсколь-
ко лицъ, присудилъ ихъ къ „административной
смертной кизни“, поставилъ висѣлицу, и въ
заключеніе предпринялъ „крестовый походъ въ
долину Мургаба, для изгнанія бѣсовскаго духа“,
для чего приказалъ гарнизону нашить на гру-
ди бѣлые кресты съ красными каемками.—Ге-
нераль Карангозовъ высылаетъ изъ Одессы въ
Вологду журналиста съ такимъ напутствіемъ:
„Пусть поѣдетъ освѣжиться, а то онъ все пи-
шетъ, что ему душно, что нечемъ дышать“.—
Генераль Хорунженковъ, юмористически срав-
ниваетъ себя съ Иисусомъ Христомъ: не могъ
же я усмирить цѣлую область двумя гранатами,
какъ Христосъ накормилъ голодныхъ пятью
хлѣбами.

Но свирѣлость преобладаетъ надъ юмористи-
ческими и философическими отступленіями.
Приведемъ еще рядъ цитатъ изъ разныхъ ука-
зовъ, объявленій и предписаній: аграрные без-
порядки „будутъ подавляемы оружіемъ“ безъ

всякой пощады... села и деревни... будутъ об-
стрѣливаемы артиллерійскимъ огнемъ, что вы-
зоветъ разрушеніе домовъ и пожары" (Бахмут-
скій у., приказъ ген. губ.); „дома, откуда будутъ
произведены выстрѣлы по войскамъ, будутъ
уничтожены артиллеріей" (саратовск. губ.); „въ
случаѣ появленія красныхъ флаговъ или демон-
страціи, рубить шашками или еще лучше сей-
часъ же спѣшить нѣсколько человѣкъ и обстрѣ-
лять" (прик. по 7 казач. полку въ г. Николаевѣ);
„разъ явилась надобность обнажить шашку,
человѣкъ моментально долженъ быть зарубленъ
на смерть" (ген. Соколовскій въ Аткарскѣ);
„если на кого-либо въ имѣніи произведено бу-
детъ нападеніе или имѣніе подожжено, то въ во-
лости будетъ разстрѣлянъ каждый пятый чело-
вѣкъ" (изъ приказа прибалтійскихъ усмирит.);
„рѣжь, руби, сѣки; чтобъ пули зря не летѣли"
(фонъ-Медемъ въ Казани); „прійду съ войсками
сильно накажу, никого не жалѣя!" (воззваніе
херсонскаго ген. губ.); „арестованныхъ не имѣть
и дѣйствовать безпощадно" (прик. полк. Мина);
безпорядки подавлять „не жалѣя жертвъ" (при-
казъ командующаго войсками одесскаго округа);

„если вы замѣтите между вашими товарищами вредныхъ людей... скажите только мнѣ, дайте мнѣ этихъ негодяевъ, ибо надо вырвать такіе цѣвельны изъ вашей среды,“ (предложеніе ген. Карангозова одесскимъ рабочимъ); „извѣщаю въ случаѣ покушенія на лицъ, меня сопровождающихъ, жандармскихъ чиновъ и чиновъ желѣзнодорожной охраны, черезъ часъ послѣ покушенія всѣ арестованные и сланные въ тюрьму, какъ задержанные, будутъ подвергнуты смертной казни“ (объявленіе генерала Ренненкампа).

Приведемъ еще нѣсколько ук зовъ, не столь кровавыхъ, но не менѣе характерныхъ, какъ свидѣтельство органическаго отсутствія чувства законности. Елисаветградскій ген. губ. объявилъ, что участники крестьянскихъ сходовъ, созванныхъ безъ разрѣшенія земскихъ начальниковъ и утвержденія послѣдними программы вопросовъ, обсуждаемыхъ на сходѣ, будутъ подвергнуты штрафу въ 3.000 рублей или 3 мѣс. тюрьмы. Комендантъ кронштадтской крѣпости предписываетъ, въ случаѣ если кто-нибудь изъ учениковъ въ гимназій или въ другомъ мѣстѣ „позволить себѣ осуждать, порицать или ока-

зисать неповиновеніе власти, какъ гимназичес-
кой, такъ и всякой другой“, то весь его классъ
закрѣтъ и не допускать къ экзаменамъ; а роди-
телей преступнаго ученика подвергнуть админи-
стративнѣму взысканію. Одесскій ген. губ. из-
даетъ эдиктъ: учениковъ, нарушающихъ ходъ
занятій, „исключать и вмѣстѣ съ семьями высе-
лять изъ города“, совершеннолѣтнихъ за такія
же попытки „высылать этапнымъ порядкомъ въ
отдаленныя губерніи“. Екатеринославскій ген.
губ. отдаетъ приказъ: „не выпускать семина-
ристовъ изъ общежитія, пока не будутъ выданы
зачинщики (папихи по Шмидту) и носившіе
трауръ“ (по немъ же). Начальникъ Либаво-Ро-
менской ж. д. обязываетъ служащихъ подпиской
„во время занятій не читать газетъ, не разгова-
ривать съ посторонними и между собою“. Губ.
Генералъ Енгельчевъ на Кіево-Воронежской ж. д.
обязываетъ служащихъ подпиской не прини-
мать у себя постороннихъ. Въ Сызрани ген.-
губернаторъ воспрещаетъ рабочимъ во время
перерыва для обѣда и завтрака читать газеты,
журналы и книги. Севастопольскій комендантъ
Неплюевъ оповѣщаетъ приказомъ, что сдѣлан-

ныя имъ распоряженія о высылкѣ разныхъ лицъ сохраняютъ силу навсегда, даже когда самого генерала Цеплюева не будетъ...

Довольно, однако!—этой литературы не исчерпать...

Повторяемъ, мы привели этотъ сводъ, потому, что онъ обнаруживаетъ истинную причину бойни, усыпавшей Россію трупами и развалинами. Это не ослабленіе, не испугъ, не ожесточеніе,—это проявленіе естественныхъ свойствъ „прирожденныхъ преступниковъ“, соединяющихъ легкомысліе мотылька съ жестокостью тарантула. Они сами себя не могутъ представить государство и его отношеніе къ народу иначе, какъ въ образѣ старинной пѣсни: „Злы татарове дуванъ дуванила“... —Подчеркиваемъ еще разъ легкомысліе,—обратите вниманіе на характерную черту этихъ указовъ: конунство. Одинъ сравниваетъ себя съ „Христомъ, грядущимъ на осляти“, другой кормитъ населеніе бомбами, „какъ Христосъ пятаю хлѣбомъ“, тр тій говорить о „Высшей Справедливости, требующей искупительныхъ жертвъ“... А поговори съ этими богохульниками: они за церковь православную!... Тутъ

дѣйствительно невмѣняемость, невмѣняемость и безстыдство: атрофія совѣсти, на которую также указываютъ Ломбозо, Ферри и друг. Худшее изъ правительствъ, какое только знала до сихъ поръ исторія, -- правительство Ивана Грознаго -- подвергалось припадкамъ раскаянія: Иванъ разсматривалъ по монастырямъ синодики съ именами замученныхъ, чтобъ служили по нимъ панихиды. Эти, нынѣшніе, запрещаютъ служить панихиды по Шмидтѣ, оскорбляютъ кладбища (обыски на кладбищахъ въ Калишѣ), разстрѣливаютъ образа, выкапываютъ трупы казненныхъ (Шмидта и его товарищей) изъ могилъ и бросаютъ ихъ въ море... *) У нихъ атрофирована всякая способность къ стыду, — и въ этомъ отношеніи наша бюрократія тоже, кажется, представляетъ явленіе новое, небывалое: бывали сѣ вершенино безстыжіе правители, въ родѣ Перона и т. п., но чтобъ цѣлая громадная организація сплошь состояла изъ людей съ атрофированной совѣстью,

*) По крайней мѣрѣ извѣстіе объ этомъ, опровергаемое „Русск. Госуд.“, сообщено „Русью“ со словъ полу-офиціозной одесской газеты, являющейся органомъ ген. Карангова.

—этого, кажется, еще не случилось. После позорной войны, после еще более позорной внутренней кампании, оставленная всеми честными людьми, запутавшаяся в обманах, залитая кровью; наша бюрократия оказалась в положении блудницы, о которой читаем у пророка Наума (гл. III, ст. 5): „Вотъ я на тебя! говоритъ Господь Саваоохъ. И подниму на лице твое край одежды твоей, и покажу народамъ наготу твою и царствамъ срамоту твою!“

Но... тутъ случилось нѣчто непредвидѣнное: наша блудница не только не сконфузилась, а еще хвастается: „Видали, народы и царства, мою наготу и срамоту,—на-те, любуйтесь, наплевать мнѣ на васъ!...“

* *

И она вся такова,—наша бюрократия: вверху и внизу, в центрѣ и на мѣстахъ, это однородная, сплоченная, тѣсно связанная принципомъ „воронъ ворону глазъ не выклюетъ“, созданная продолжительнымъ подборомъ, воспитаніемъ и упражненіемъ, организація прирощенныхъ преступниковъ. Здѣсь будетъ вполне уместно опровергнуть легенду, довольно наивную и ребя-

ческую, но все еще повторяемую въ публикѣ, о распаденіи Россіи на „Разъединенные Штаты“ (въ противоположность американскимъ Соединеннымъ) на независимыя сатрапіи: „Скалонію“, „Карагозію“, „Алиханство-Аварское“ и т. п. Эта сказка понравилась публикѣ, такъ какъ рисуешь центральное правительство слабымъ, хотя въ то же время она въ значительной степени снимаетъ съ него отвѣтственность за зѣрства мѣстныхъ властей. Но не трудно бы было, кажется, уразумѣть цельность этого представленія. Ну, что могли-бы подѣлать к-ой-нибудь Карагозозъ или Чухнинъ безъ поддержки со стороны центрального правительства, всегда готового снабдить ихъ войсками, казаками и пр. Да при первомъ же возстаніи они превратились бы въ мокрое мѣсто со всеми своими черными сотнями. Мѣстные сатрапы сильны поддержкою центрального правительства, которое въ любую минуту снабжаетъ ихъ войсками и оружіемъ; центральная власть сильна усердіемъ мѣстныхъ сатраповъ, всегда готовыхъ на избіеніе стариковъ и младенцевъ. Теперь легенда опровергнута фактами. Мы

низведя цѣлый рядъ циркуляровъ и объясненій Дурново, покудающихъ, что кровавая баня послѣднихъ мѣсяцевъ была разыграна какъ по нотамъ по указаннымъ распоряженіямъ центральнаго правительства. Въ циркулярѣ отъ 30 ноября 1905 года министръ (въ то время еще „управляющій министерствомъ“) предписываетъ мѣстнымъ властямъ не стѣсняться законностью. Мы приведемъ лишь нѣкоторые пункты этой подробной инструкции: 1) подстрекателей и пр., „которые не арестованы судебной властью, арестовать и войти съ безотлагательнымъ представленіемъ о высылкѣ ихъ подъ надзоръ полиціи“; 2) „никакихъ особыхъ дознаній по сему предмету, равно допросовъ не производитъ, а ограничиваться протоколомъ“; 3) агитаторовъ, освобожденныхъ судебными властями, „оставлять подъ стражей“; 4) „не обращать никакого вниманія на мятежные протесты разныхъ самозванныхъ союзовъ и делегацій“; 5) „не обращать вниманія на угрозы собраний и митинговъ, и въ случаѣ необходимости, самымъ рѣшительнымъ образомъ разгонять протестующихъ силою“.

Еще подробнѣе циркуляръ отъ 23 декабря:

это цѣлый „наказъ“ мѣстнымъ властямъ, дѣйствующимъ, по мнѣнію министра, черезчуръ мягко. Дѣйствительно, принявшія за чистую монету манифестъ 17 октября, мѣстныя начальства одно время нѣсколько растерялись. Они дошли до того, что не рѣшались арестовывать лицъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ прокурорскій надзоръ не усматривалъ признаковъ преступленія: наказъ подчеркиваетъ эту ихъ преступную слабость. Они допускали мирныя манифестаціи, сходки и митинги, повѣривъ, очевидно, въ „непреклонное рѣшеніе даровать населенію незыблемыя основы свободы гражданской и пр.“—это также вмѣняется имъ въ вину. Толкуйте послѣ этого о независимыхъ „Карангозіяхъ“ и „Скалоніяхъ“. Январскимъ циркуляромъ за № 41 предписывается мѣстнымъ властямъ не допускать составленія волостными и сельскими сходами „мятежныхъ“ приговоровъ, а за составленные уже привлечь къ отвѣтственности участниковъ сходовъ и сельскія власти. Понятно, что тюрьмы послѣ этого переполнились крестьянами.—Въ указѣ кіевскому губернатору за № 929 по поводу крестьянскихъ безпорядковъ министръ рекомендуетъ:

„Немедленно истреблять силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія сожигать ихъ жилища“. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. — Въ инструкціи карательными отрядами въ Прибалтійскомъ краѣ онъ, по словамъ „Русскія“, поясняетъ обязанности послѣднихъ такъ: „Если на одного виновнаго будетъ разстрѣляно пять невинныхъ — это ничего!“ Въ концѣ изъ цѣлаго ряда частныхъ распоряженій мы видимъ, съ какимъ вниманіемъ центральная власть слѣдитъ за тѣмъ, чтобы умирительная дѣятельность мѣстныхъ властей не ослабѣвала. Телеграммой отъ 23 февраля министръ предписываетъ кievскому губернатору послать въ Чигиринскій уѣздъ сотню казаковъ, „что произведетъ необходимое впечатлѣніе“. Въ другомъ циркулярѣ рекомендуетъ губернаторамъ позаботиться объ укомплектованіи стражниковъ. Въ третьемъ предписываетъ губернаторамъ и градоначальникамъ имѣть строгое наблюденіе за клубами. Орловскому губернатору рекомендуетъ „принять рѣшительныя мѣры“ „противъ вооруженныхъ организацій, которыя, по свѣ-

дѣліямъ министра „несомнѣнно существуютъ“ на Брянскихъ заводахъ. Саратовскому предписываетъ задержать на неопредѣленное время въ тюрьмѣ 40 арестованныхъ за безпорядки крестьянъ, которыхъ рѣшено было выпустить. Земскимъ начальникамъ даетъ инструкцію относительно наблюденья за выборами въ Думу; устанавливаетъ строгій надзоръ надъ возвращающимися изъ Японіи военнопленными; вырабатываетъ „упрощенный порядокъ ссылки“ крестьянъ за аграрные безпорядки и т. д.

По поводу Курлова и Нейдгарта министръ совершенно откровенно заявилъ въ сенатѣ, что эти администраторы въ своихъ дѣйствіяхъ сообразовались съ видами и желаніями правительства и являлись правильными его выразителями.

И здѣсь, въ центрѣ, тѣ же характерныя черты русскаго администратора: наряду съ жестокостью органическое отсутствіе чувства законности и феноменальное легкомысліе. Мы не будемъ говорить о надписи „Пустякъ“ на запросѣ одесскаго губернатора, можно ли произвести въ городѣ повальный обыскъ, такъ какъ это сообщеніе опровергается официально, и мы обя-

заны считать его ложнымъ, но вотъ другой фактъ.

По случаю убійства на югѣ одного инженера, родственника Дурново, послѣдній, по сообщенію газ. „Страна“, предписываетъ мѣстной полиціи: „Весь городъ переверните, а преступника найдите!“

Но онъ не лишенъ игривости. На просьбу г. Фигнера о переводѣ его сестры В. П. Фигнеръ въ Финляндію министръ отвѣтилъ: „Теперь еще холодно, и ей пріѣхать сюда нельзя, а когда будетъ тепло, то меня навѣрное уже не будетъ“. Онъ игривъ, этотъ государственный мужъ, въ формулярѣ котораго значится перехватываніе частныхъ писемъ иностраннаго посла, съ амурными цѣлями, знаменитый приказъ Александра III, операція съ овсомъ, разъясненная Стаховичемъ, и современная кровавая баня...

Всѣ типическія свойства русской бюрократіи выступаютъ въ этомъ рядѣ приказовъ и запрещеній, доказывающихъ притомъ (какъ и рядъ циркуляровъ министра путей сообщенія и юстиціи, которыхъ мы не приводимъ по недостат-

ку мѣста) несостоятельность легенды о независимыхъ сатрапахъ.

Но что же дальше? чего ждать въ будущемъ? Разумѣется, дальнѣйшаго разрастанія и развитія „кровоавой бани“). Вотъ что надо понять наконецъ, -- и не ждать, и не требовать отъ русскаго правительства чего-либо иного. Не можетъ оно дѣйствовать противно своей природѣ, и разъ ужъ его естественныя свойства выйдутъ наружу, имъ не спрятаться обратно. Даже кадеты какъ будто понимаютъ это: „Начинаешь думать, говорить г. Струве, — что предначертанъ какой-то кругъ безумствъ и преступленій, черезъ который это правительство должно пропести страну“. Жаль, что г. Струве только „начинаетъ“ это думать, и врядъ ли тутъ подходитъ выраженіе „кругъ“: здѣсь движеніе въ одномъ, опредѣленномъ направленіи...

„До сихъ поръ никогда не умѣли достаточно терроризировать населеніе, сказалъ, по газетнымъ сообщеніямъ, министръ Дурново. — надо

*) Прим. ред. Мы это и видимъ въ настоящее время. Погромы, казни, ссылки не прекращаются.

нагнать на страну и на революціонеровъ такой ужасъ, который жилъ бы еще въ памяти внуковъ“. Въ этихъ словахъ сжато и мѣтко охарактеризовано то, что можетъ дать наше правительство. И дѣло тутъ не въ г. Дурново, конечно. Наши газеты до сихъ поръ придаютъ слишкомъ большое значеніе личностямъ. Были Треповъ—Булыгинъ, явились Витте—Дурново, завтра будутъ Горемыкинъ—Игнатьевъ, тамъ Коковцевъ—Стишинскій...не все ли одно? Это однородная организація, въ которой мѣстная администрація подстать центральной, сенатъ подстать министерствамъ, полиція, юстиція—все одно къ одному. Улучшаться она не можетъ, она только ухудшается съ неумолимой послѣдовательностью естественно-историческаго процесса, подбирающаго „подобное къ подобному“ и выбрасывающаго не подходящее. Теперь она еще хуже, чѣмъ была полгода тому назадъ; черезъ полгода сдѣлается еще хуже, чѣмъ теперь... Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время изъ состава нашей администраціи уволенъ цѣлый рядъ лицъ единственно за уваженіе къ законности и за человѣчность: губ. Старосельскій,

приставъ Пестичъ, высланный въ Вологду (составилъ протоколъ на корнета Фролова, избившаго извозчика; отказался исполнить незаконное требованіе о выселеніи изъ казенныхъ квартиръ забастовавшихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ); козловскій полицмейстеръ Липко, не допустившій въ Козловъ черносотеннаго погрома; земскій начальникъ Кондратьевъ, разъяснявшій населенію манифестъ 17 октября; земскій нач. графъ Ламсдорфъ-Галаганъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ со стороны населенія; земскій нач. Некрасовъ за то же преступленіе; крестьянскій нач. Павловъ; начальникъ Чембарской тюрьмы Бабинъ, гуманно относившійся къ заключеннымъ, нѣсколько членовъ судебного вѣдомства (прок. Витунскій прок. Вороновъ, судья Павловскій, судебный слѣдователь Серженко и др.), пытавшіеся настаивать на соблюденіи закона; немало офицеровъ... О множествѣ уволенныхъ почтовыхъ, телеграфныхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и учителей низшихъ и среднихъ школъ не говоримъ.

Если въ моментъ октябрскаго испуга были

устранены нѣсколько администраторовъ иного типа, то кѣмъ они замѣнены? Въмѣсто Нейдгарта Карангозовъ,—еще хуже Нейдгарда; въмѣсто Роговича Римскій-Корсаковъ,—еще хуже Роговича; въмѣсто Азанчевскаго баронъ Нолькенъ,—не лучше Азанчевскаго, во всякомъ случаѣ.

Равнымъ образомъ, дѣло не въ желаніи или нежеланіи самого правительства. Подъ вліяніемъ испуга оно можетъ пожелать—искренно пожелать!—выработать какой-нибудь приличный строй жизни, установить какой ни на есть порядокъ, законъ и право, войти въ соглашеніе съ населеніемъ... Такъ было въ первые дни послѣ манифеста 17 октябрю, такъ было при назначеніи Святополка-Мирскаго. Но преступныя наклонности правительства сильнѣе его благихъ намѣреній; даже въ эти моменты они прорываются насиліями, произволомъ и угнетеніемъ, а лишь только испугъ проходить, насиліе удесятерится. Оно не можетъ, если бы и захотѣло, отказаться отъ насилія, произвола и беззаконія,—вотъ что нужно понять разъ навсегда.

Итакъ, ничего не должна ждать страна, кроме новыхъ преступленій. Повидимому, нѣчто

въ этомъ родѣ готовится: затѣмъ посланы
войска въ Финляндію кто провоцируетъ новую
желѣзнодорожную забастовку? и какъ вамъ нра-
вится командировка чиновниковъ для изслѣдо-
ванія еврейскихъ погромовъ, „если они прои-
зойдутъ“, какъ будто это не въ рукахъ адми-
нистраціи.

М. Энгелгардтъ.

УСМИРЕНІЕ ПРИБАЛТИЙСКАГО КРАЯ. *)

Первый опытъ новаго способа веденія внутренней войны былъ сдѣланъ въ Петербургѣ 9-го января прошлаго года. На улицахъ столицы въ теченіи одного только дня мужественными властями были разстрѣляны „пачками“ тысячи безоружныхъ людей, провинившихся лишь въ томъ, что въ сердцахъ ихъ еще теплилась наивная вѣра патріархальныхъ временъ,—вѣра въ святость иконы и въ благоволеніе къ нимъ батюшки-царя. Европа въ ужасѣ содрогнулась прочитавъ описаніе этого массоваго закланія невинныхъ, превзошедшаго по преступности все до сихъ поръ извѣстное въ исторіи. Но власти, предержащія остались довольны одержанной побѣдой надъ своимъ исконнымъ внутреннимъ врагомъ,—русскимъ народомъ; вожди славной битвы получили заслуженныя награды и повышенія, и на очередь былъ поставленъ вопросъ:

*) Изъ «Журнала для Всѣхъ» №3, 1906 г.

какія усовершенствованія можно бы ввести въ новый, оказавшійся столь богатый по результатамъ способъ массоваго уничтоженія „враговъ“. И цѣлительное усовершенствованіе скоро было найдено—въ пушкахъ и въ особенності въ пулеметахъ.

Всякая машина тѣмъ цѣнна, что она собираетъ человѣческій трудъ; и тѣмъ она цѣннѣе, чѣмъ болѣе собираетъ она человѣческаго труда. Пулеметъ въ этомъ отношеніи является истиннымъ, съ неба ниспосланнымъ благодареніемъ для русскаго правительства. Рота солдатъ ружейной стрѣльбой пачками можетъ „очистить“ улицу, то есть уложить всѣхъ находящихся на ней людей, въ лучшемъ случаѣ, въ пять минутъ. Пулеметъ, направляемый однимъ артиллеристомъ, можетъ съ успѣхомъ выполнить эту полезную для властей работу въ пять секундъ. Естественнo, поэтому, что пулеметъ сдѣлался влaстителемъ думъ русскаго правительства. Въ Петербургѣ имѣется нѣсколько построенныхъ по приказу правительства церквей (напр. Троицкая церковь), ограда которыхъ состоитъ изъ пушекъ. На дверяхъ храма христіанской любви

и мира надписи: „Прійдите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою васъ“. А вокругъ храма пушки,—эти орудія самаго дѣйствительнаго „успокоенія“, какое только существуетъ для людей. Ближайшій храмъ, какой будетъ построенъ въ столицѣ по приказу властей, будетъ несомнѣнно опраду имѣть изъ пулеметовъ, а не изъ пушекъ. Пулеметъ является теперь единственной „опорой властей“, и русское правительство съ похвальной энергіей стремится водворить „успокоеніе“ по всей странѣ... исключительно пулеметами.

Впервые, если не ошибаюсь, пулеметы были пушены въ дѣло прошлымъ лѣтомъ въ Лодзи. Результатъ получился превосходный: массы „враговъ“ были разстрѣляны, и дѣлая горы труповъ были увезены полицейскими съ „поля сраженія“, то есть съ улицы. Затѣмъ дѣло пошло какъ по маслу. Массовые разстрѣлы изъ пулеметовъ и „пачками“ изъ ружей (и ружей не слѣдуетъ обижать!) ослѣдовали въ Одессѣ, Кроштадтѣ, Либавѣ, Владивостокѣ, Баку, Тифлисѣ... Со всей силой вѣрующихъ людей наши военачальники стали видѣть въ дуляхъ и гранатахъ единствен-

ное вѣрное средство противъ всѣхъ народныхъ невзгодъ, и въ отвѣтъ на всенародный стонъ о хлѣбѣ и волѣ повсюду стали разсылать съ удивительной щедротой „успокоительные“ отряды. Русскій генералъ Хорунженко, окружившій войсками русскій городъ Туккумъ (Курляндской губ.), сообщаетъ въ печати, что ему удалось „наказать и оставить на мѣстѣ всѣхъ выходившихъ ночью изъ города“, такъ что „съ разсвѣтомъ можно было видѣть результаты стрѣльбы ночного оцѣпленія: лежало до 300—400 труповъ“. Но „успокоить“ всю Курляндію онъ не могъ исключительно потому, что у него не было пушечныхъ снарядовъ. И онъ скромно сознается „Новому Времени“, обвинившему его въ недостаткѣ энергіи по „успокоенію“ края, что онъ все-таки не Христосъ: „Я полагаю, что съ 2 гранатами я всей Курляндіи завоевать не могъ; это только Иисусъ Христосъ семью хлѣбами накормилъ 5 тысячъ“. Генералу удалось накормить свинцомъ только нѣсколько сотенъ людей...

Однако, какъ мы уже упомянули выше, вполне планомерная и, такъ сказать, беззавѣтная кампанія въ цѣляхъ „успокоенія“ родной стра-

ны не могла начаться раньше окончанія Японской войны. Только заключеніе внѣшняго мира позволило правительству направить всѣ свои силы противъ внутренняго врага и предать огню и мечу не только людей, но и жилища, промышленныя заведенія, амбары и т. п. Первое дѣйствіе «потока и разграбленія» имѣло мѣсто въ октябрѣ, тотчасъ послѣ дарованія манифеста о свободахъ, вызваннаго, какъ извѣстно, всеобщей октябрской стачкой. Съ невинностью свойственной младенцамъ, мѣстныя власти понимали свободу рѣчи, какъ свободу сѣчь и жечь, а свободу стачекъ, какъ свободу разстрѣливать стачечниковъ. И власти постарались немедленно втолковать населенію такое пониманіе свободъ. 18 октября по всей Россіи начался разгромъ; болѣе 120 городовъ и мѣстечекъ подверглись полному или частичному разграбленію, около 100.000 человѣкъ было убито или изуродовано, а въ Томскѣ нѣсколько сотъ человѣкъ было сожжено живыми, причемъ окружавшія горѣвшее зданіе войска подстрѣливали пулями лишь тѣхъ, кто пытался спастись изъ пламени черезъ окна или крышу; бесплодныхъ зарядовъ

не тратили. Мѣстныя власти, какъ это безконечнымъ множествомъ свидѣтельскихъ показаній было установлено, ко всемъ этимъ разгромамъ «свою руку приложили». Сгоряча это признало даже само центральное правительство въ официальномъ сообщеніи.

Послѣ такого удачнаго начала, оставалось только «сформить» дѣло и затѣмъ начать работать во всю. Оформление пришло торжественное въ началѣ декабря въ самой первопрестольной столицѣ древней Руси, — въ Москвѣ. Колокольнаго звона не было, но навѣрхъ колоколни былъ водворенъ символъ власти — пулеметъ; и въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ «успокаивалъ» тысячи вѣрноподданныхъ москвитянъ, поддерживаемый энергичной канонадой сотни другихъ пулеметовъ и пушекъ, окружившихъ рабочій кварталъ. — Прѣсно! Когда достаточное количество домовъ и фабрикъ было пушками разрушено и сожжено и населеніе Москвы достаточно разрѣжено, командиры лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка полковникъ Минъ издалъ знаменитый, напечатанный потомъ во всѣхъ газетахъ, приказъ войскамъ, — въ плѣнъ

не брать», совершенно такъ, какъ это было приказано въ Китайскую войну. Слѣдуя этому приказу, отряды семеновцевъ разсѣялись по линиямъ московскаго желѣзнодорожнаго узла и принялись разстрѣливать людей безъ всякаго суда и слѣдствія. Сколько было разстрѣлено, неизвѣстно, удалось установить имена лишь 156 человекъ и, по свидѣтельствамъ газетъ, изъ числа ихъ только 5 или 6 человекъ было причастно сколько-нибудь къ революціонному движению; остальныхъ власти разстрѣляли, такъ сказать, въ предупрежденіе будущихъ грѣховъ, руководствуясь мудрымъ правиломъ: на томъ свѣтѣ разберутъ правыхъ и виновныхъ, а здѣсь мы ихъ успокоили.

Одновременно съ «успокоеніемъ» Москвы, начались однородныя мѣры успокоенія по всему лицу Руси великой. Специальные военные отряды съ пулеметами были отправлены въ Сибирь, на Кавказъ, въ Польшу, Прибалтійскій край; во внутреннихъ губерніяхъ продолжали дѣйствовать казаки и драгуны. Вся почти Россія была объявлена на военномъ положеніи и отдана въ безотчленную власть вооруженныхъ

людей (людей-ли?), на потокъ и разграбленіе, и эти властные лица стали соревновать другъ съ другомъ въ истребленіи русскаго народа и народнаго имущества.

Наиболѣе энергичныя дѣйствія по успокоенію населенія несомнѣнно имѣли и имѣютъ мѣсто въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ властвуютъ генералы Безобразовъ, Орловъ, Сологубъ и т. д., нѣкоторые изъ нихъ пленцы изъ славнаго гнѣзда военачальниковъ, отличившихся на Дальнемъ Востокѣ понесенными ими пораженіями. Количество русскихъ братьевъ, застрѣленныхъ по ихъ приказу или ими собственноручно, такъ велико, что не только въ русской, но и во всемирной исторіи имъ военачальникамъ будетъ уготованъ нерушимый памятникъ, и имя Каина, убившаго одного только брата, поблѣднѣетъ и будетъ предано забвенію, благодаря ихъ подвигамъ.

Благородная страсть нашихъ администраторовъ къ «успокоительнымъ» дѣйствіямъ ваглушаетъ въ нихъ велѣнія черстваго разсудка.

20 октября 1905 года временный курляндскій генералъ-губернаторъ Бекманъ телеграфировалъ

министру внутренних дѣлъ: «Комендантъ Либавской крѣпости телеграфируетъ: Вчера отъ собравшейся 20-ти тысячной сходки рѣзкаго и рѣщительнаго направленія прибыли къ нему пять делегатовъ и заявили свои требованія на основаніи 17 октября. Первое—упразднить военное положеніе и усиленную охрану; второе—удалить казаковъ и драгунъ; третье—освободить немедленно всѣхъ политическихъ и административно арестованныхъ. Въ случаѣ удовлетворенія депутаты обѣщали полное спокойствіе и приступъ къ работамъ, въ противномъ случаѣ—продолженіе забастовки. Комендантъ проситъ приказаній по телеграфу и ходатайствуетъ объ отмѣнѣ военнаго положенія. Полагаю со своей стороны, что военное положеніе не соотвѣтствуетъ новой обстановкѣ». Такимъ образомъ, по убѣжденію самихъ мѣстныхъ генераловъ, можно было провести начала манифеста 17 октября безъ малѣйшихъ затрудненій и хлопотъ, попросту снять военное положеніе и удалить изъ края насильниковъ. Но такая мѣра сдѣлала бы ненужными «успокоительныя» дѣйствія пулеметовъ и пагаскъ, и по-

тому послѣдоваль полный холоднаго негодова-
нія телеграфный отвѣтъ (телеграмма отъ 21 ок-
тября, за № 2952): «На телеграмму 20 октября
—вашимъ заключеніемъ несоотвѣтствіи новой
✓ обстановкѣ несогласенъ. Указанія вскорѣ по-
слѣдуютъ. Товарищъ министра Треповъ»^{*)}.

И вскорѣ Треповъ доказаль, что пулеметы
есть лучшая мѣра проведенія свободъ; обѣщан-
ныхъ манифестомъ.

Описаніе всѣхъ ихъ дѣйствій по «успокоенію»
края заняло бы многіе томы и есть дѣло бу-
дущаго историка. Мы здѣсь приведемъ лишь
нѣкоторые факты. Вотъ, напримѣръ, какъ бы-
ло «успокоено» мѣстечко Глазманка, по свидѣ-
тельскимъ показаніямъ пострадавшихъ, завѣ-
реннымъ ихъ подписями.

«У меня въ Глазманкѣ собственная табачная
лавочка. Въ воскресенье 23 декабря и въ по-
недѣльникъ ко мнѣ въ лавку нѣсколько разъ
приходили драгуны и отбирали табакъ, папиро-
сы, спички и разный мелкій товаръ. Когда
мужъ заперъ лавку, пришли два драгуна и ска-

*) Заимствуемъ эти документы изъ иностран-
ныхъ газетъ.

зали мужу, что застрѣлять его, если не откро-
 етъ лавку. Мужъ открылъ, и они ее ограбили,
 захвативъ всю выручку и очень много товару...
 Двѣ недѣли тому назадъ драгуны застрѣлили
 на улицѣ одного 60-лѣтняго старика, Миша
 днемъ, часовъ въ 12, шедшаго изъ молельни до-
 мой. Въ тотъ же день они застрѣлили въ квар-
 тирѣ сидѣвшую за чаемъ дѣвушку лѣтъ 16-ти,
 стрѣля на улицѣ въ какого-то латыша, хотя
 въ мѣстѣикѣ было совершенно спокойно. Ла-
 тышъ этотъ шелъ по улицѣ, ничего не дѣлая.
 Ему было лѣтъ 50. Солдатъ по нему-то крик-
 нулъ ему: «Стой!» Латышъ перепугался и вбѣжалъ
 въ ближайшій дворъ. Тогда солдатъ выстрѣ-
 лилъ и попалъ черезъ окно въ эту дѣвушку.
 Нагайками драгуны избивали челоуѣкъ 50 евреевъ
 и латышей.

Другая свидѣтельница, старуха Гора Атлаеъ
 показала: «У насъ за нѣсколько дней до вос-
 кресенья 25 декабря солдаты да драгуны безо-
 бразничали, нападая на дома, безъ офицеровъ
 они врывались въ лавки и избивали жителей и,
 подъ предлогомъ обыска оружія, забирали съ
 собою все, что было цѣннаго въ домѣ, и что

можно было положить въ карманы. Въ воскресенье я слышала отъ жителей, что можно запереть домъ и не пускать драгунъ безъ офицера. У меня беременная дочь начала родить въ воскресенье 25 декабря, въ полдень. Для предупрежденія шума и нашествія драгунъ, я заперла двери. Вечеромъ, во время родильныхъ приступовъ дочери, въ квартиру пришли чело-
 ловѣкъ 10 драгунъ съ офицеромъ и сказали, что хотятъ сдѣлать обыскъ. Офицера я не видѣла, жители говорили, что онъ былъ около дома. Солдаты потребовали открыть. Повивальная бабка сказала — нельзя. Тогда они выломали дверь. Она призвала одного изъ драгунъ по-
 смотрѣть на дочь и они вышли, взявъ лампу, чтобы обыскать надворный домъ. Спустя нѣ-
 которое время, послѣ ухода этихъ драгунъ, яви-
 лись снова два драгуна и начали грабить, от-
 ниявъ изъ рукъ старшей дочери, Ханы, шкатул-
 ку, гдѣ были и деньги 115 руб., наличными и
 приданное дочери — золотые часы и цѣпочка, и
 ватѣмъ тутъ же, въ отвѣтъ на крикъ дочери,
 «чтобы она не кричала», жестоко палили ее па-
 гайками, причемъ стали бить и меня. Вы са-

ми видите, какіе ужасные на мѣ синяки (Сора Атласъ показала руки и грудь въ ужасныхъ кровоподтекахъ). Въ тотъ же часъ дочь, лежавшая тутъ же, родила, и боясь повторенія этого несчастія отъ солдатъ, мы больную еще дочь перевезли сюда, въ Крейцбургъ.»

Такъ продолжалось въ теченіи двухъ, трехъ недѣль. Беззащитное и мирное населеніе уже стало привыкать съ своему ужасному положенію. «Но, рассказываютъ „Рижскія Вѣдомости“ — однажды ночью раздался одиночный выстрѣлъ. Думаютъ, что его произвелъ спасающійся отъ преслѣдованія воръ. И тогда произошло слѣдующее: Глазманка была окружена войсками, пушки были направлены на мѣстечко. Полковникъ, собравъ всѣхъ обывателей на площади, объявилъ, что, если въ теченіе получаса не будетъ выданъ стрѣлявшій, онъ ведетъ бомбардировать мѣстечко. При этомъ онъ разрѣшилъ всѣмъ жителямъ выйти изъ мѣстечка, если они не желаютъ подвергнуться опасности. Никто не зналъ виновника ночной стрѣльбы, и въ теченіе 30 минутъ вся Глазманка выбралась въ поле... Тутъ на снѣгу легли старики и дѣти,

здоровые и больные и даже роженицы, вынесены на кровати... На этот раз полковник ограничился шестью, по всей видимости, холостыми выстрѣлами, и продлил получасовой срокъ до семидневнаго, пообѣщавъ тогда уже сравнять мѣстечко съ землею.

„12 января изъ Глазманки получена лаконоическая телеграмма, извѣщающая о томъ, что мѣстечко подожжено одновременно въ трехъ мѣстахъ.“

И все мѣстечко было сожжено лишь потому, что никому неизвѣстный воръ, а можетъ, и провокаторъ, выстрѣлил на улицѣ изъ револьвера.

Если бы русская армія воевала съ нѣмцами, англичанами, турками, японцами, она должна была бы строго соблюдать вышеприведенные § 47 и § 50 Гаагскаго соглашенія: „Грабежъ частной собственности строго воспрещается. Общія карательныя мѣры и денежныя штрафы не могутъ быть налагаемы на население за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, если нельзя доказать, что все население въ этихъ дѣйствіяхъ участвовало.“

Но такъ какъ на русскую армию была возложена задача веденія войны противъ своихъ же русскихъ соотечественниковъ, то, ради „водворенія порядка“ и „успокоенія“ *мирнаго* мѣстечка, правительство нашло необходимымъ выбросить ни въ чемъ неповинныхъ стариковъ, дѣтей и беременныхъ женщинъ на сибѣрь, а всѣ ихъ жилища предать огню и истребленію.

Въ войнѣ противъ чужеземцевъ запрещается налагать на населеніе денежные штрафы за дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, а временный Прибалтійскій генералъ - губернаторъ генералъ-лейтенантъ Солмогуевъ въ „приказѣ по городскимъ и волостнымъ обществамъ“, отъ 12[✓] декабря 1905 г., между прочимъ, объявляетъ: „...сверхъ того, въ послѣдствіи, признанные вообще виновными волостныя общества будутъ обложены мною денежнымъ штрафомъ въ размѣрѣ по соотвѣтствію обнаруженной ими вины. Наиболѣе же виновныя волостныя общества будутъ выселены въ сѣверныя губерніи, и на освобожденные мѣста будутъ водворены переселенцы изъ внутреннихъ губерній“.

Совсѣмъ какъ во времена Іоанна Грознаго,

когда новгородцевъ выселяли изъ ихъ родины, а на ихъ мѣсто „водворяли“ московскихъ жителей. Болѣе трехъ вѣковъ исторіи прогресса для русскаго правительства прошли безслѣдно!

„Согласно распоряженія начальника летучаго боевого отряда генерала Вендта, гласить бумага Двинскаго уѣзднаго исправника, посланная Крейцбургскому мѣщанскому старостѣ, за № 1 отъ 12 декабря,—поручаю старостѣ тотчасъ по полученіи сего объявить жителямъ м. Крейцбургъ, чтобы они немедленно и не далѣе какъ съ 13 сего декабря установили охрану линіи Риги-Орловской желѣзной дороги на протяженіи мѣстечка, т. е. отъ переѣзда по дорогѣ, ведущей къ ст. Зиланъ, до переѣзда при ст. Крейцбургъ, по 2 человека на одну версту. Неисполненіе сего повлечетъ за собою самое тяжкое наказаніе отъ денежнаго штрафа до смертной казни.“

Статья 44 Гаагскаго соглашенія запрещаетъ „принуждать населеніе занятой непріятельскими войсками территоріи принять участіе въ военныхъ операціяхъ противъ его родины.“ Но какое дѣло генералу Вендту до Гаагской кон-

Ференци, созванной русскимъ правительствомъ? Въдѣ дѣлю идетъ объ „успокоеніи“ края и „Бодвореніи порядка“ въ немъ, а какого рода порядокъ дорогъ сердцу генерала Вендта, видно хотя бы изъ слѣдующаго документа, подлинникъ котораго хранится въ мѣщанскомъ управленіи Крейцбурга:

Копія.

АКТЪ.

1905 г. дек. 30 дня. Актъ сей составленъ Крейцбургскимъ мѣщанскимъ старостой для дальнѣйшаго распространенія.

23 дек. с. г. мѣщ. старостой была получена слѣд. бумага:

Guterverwaltung Schloss Kreuzburg. Господину Крейцбургскому мѣщанскому старостѣ, З. Кобленцу.

По порученію командира 1 эскадрона 49 Аі Х. драг. полка честь имѣю извѣстить васъ явиться къ нему въ замокъ Крейцбургъ 30 дек. с. 1905 г. въ 10 ч. утра съ тремя благонадежными домовладѣльцами мѣстечка Крейцбургъ (1 еврея, 1 русскаго и 1 латыша). Управляющій К. Я. Грузисъ.

Во исполненіе сего предписанія мѣщ. староста въ сопровожденіи трехъ лицъ, а именно Григорія Зеленкова (русскаго), Фридриха Калпыня (латыша) и Меера Фишеля Рабиновича (еврея) ровно въ 10 часовъ утра явились въ замокъ Крейцбургъ им. барона Н. Н. Корфа къ командиру, сказанному выше, гдѣ въ конторѣ и въ присутствіи бухгалтера барона Корфа мѣщанина Трейкапа и главноуправляющаго барона Фрейтага названный командиръ заявилъ явившимся, что *баронъ Корфъ не можетъ уплатить числящихся на немъ казенныхъ долговъ* изъ-за того, что должники, чиншевые не вносятъ ему своихъ недоимокъ, поѣтому командиръ заявилъ, что если жители мѣстечка Крейцбурга не внесутъ чиншевыхъ недоимокъ барону Корфу до 15 января 1906 г., то будутъ приняты *военныя мѣры*. Явившіеся объяснили, что всѣ жители, у коихъ есть кой-какія средства, свои недоимки уже, внесли давно. Не внесли же только бѣдняки, у коихъ большинства нечѣмъ протапливать печи, ибо за послѣдніе годы, вслѣдствіе бывшаго въ Крейцбургѣ пожара въ 1900 году, истребившаго половину мѣстечка и вслѣдствіе того, что здѣсь

полнѣйшій застой и жителямъ негдѣ заработать даже хлѣба, но объясненіе это не уважено.

Справка: Крейцбургскія имѣнія барона Норфа, имѣющія стоимость около двухъ милліоновъ, благодаря десяткамъ тысячъ десятинъ земли, сдающей въ аренду разнымъ фермерамъ въ ежегоднымъ доходомъ около 70 тысячъ руб. На жителяхъ м—ка Крейцбурга лежитъ недоимка чинша около двухъ тысячъ руб.

Такимъ образомъ, остзейскіе военачальники уполномочены русскимъ правительствомъ сжигать селенія и разстрѣливать жителей, дабы помочь остзейскимъ баронамъ, имѣющимъ по 70.000 р. дохода, собрать съ бѣдняковъ 2 тыс. руб. недоимки.

Помимо общихъ политическихъ причинъ, въ Прибалтійскомъ краѣ основнымъ источникомъ недовольства массъ является безземеліе тамошняго крестьянства, состоящаго изъ эстовъ и латышей. Это безземеліе ставитъ ихъ въ полную зависимость отъ помѣщиковъ, — нѣмецкихъ бароновъ, которые безжалостно эксплуатируютъ крестьянство. Въ результатъ произоиди многіе случаи нападенія эстовъ и латышей на замки

богатыхъ бароновъ и разграбленіе и сожженіе ихъ. Чтобы разрѣшить эти аграрныя столкновенія, наше правительство наводнило край войсками подъ командой самихъ бароновъ. Начался не судъ, а расправа. Вотъ какъ, напримеръ, баронъ фонъ-Сиверсъ, состоящій въ чинѣ штабъ-ротмистра, расправился съ городомъ Фелиномъ, гдѣ онъ велѣлъ разстрѣлять 53 человека. Беру описаніе изъ „Рижскаго Вѣст.“, органа реакціоннаго, сочувствующаго правительству.

„Въ самомъ городѣ было разстрѣляно 9 января 40 чел. и 11 января 13 чел. Сколько разстрѣляно въ уѣздѣ, пока неизвѣстно. Изъ числа разстрѣлянныхъ 9 января 40 человекъ лишь 14 человекъ казненныхъ содержались въ тюрьмѣ, какъ участвовавшіе въ нападеніи на имѣніе Каббалъ, Феллинскаго уѣзда, и въ разгромахъ имѣній въ Вейсенштейнскомъ уѣздѣ. Остальные 26 чел., извѣстные подъ кличкою „мазуриковъ“, были арестованы въ г. Феллинѣ ночью передъ казнью и наканунѣ въ своихъ домахъ и квартирахъ, въ постели.

„Приведенные въ тюрьму, они узнали, что

обречены на разстрѣлъ. Упавъ на колѣни, они стали просить присланнаго на усмиреніе штабс-ротмистра лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, Грессъ-Сиверса о судѣ надъ ними и о пощадѣ. Но это, очевидно, было невозможно... Связанные по рукамъ, они вмѣстѣ съ выведенными изъ камеръ тюрьмы 14 арестантами, поповѣдавшись и приобщившись христовыхъ тайнъ, направились на берегъ прилегающаго къ городу озера. Здѣсь у подножія развалинъ стариннаго замка зѣла громадная яма. Поодаль уже собралась довольно многочисленная толпа ѣстовъ, плакавшихъ, стонавшихъ и дрожавшихъ отъ страха. Придя къ ямѣ, всѣ обреченные на разстрѣлъ, съ искаженными отъ ужаса лицами, снова упали на колѣни предъ штабс-ротмистромъ, прося опять о судѣ и пощадѣ. Одинъ изъ нихъ, мѣстный ходатай по дѣламъ, хорошо говорившій по-русски, молвилъ со сложенными руками: „Ваше превосходительство, судите насъ! Мы не виновны! Сошлите насъ на каторгу, на необитаемый островъ, мы будемъ работать день и ночь, но даруйте намъ жизнь!... Но раздалась команда, первую шеренгу въ пять

человѣкъ подвели къ ямѣ, поставили на колѣни, лицомъ къ ямѣ; раздалась команда „заряжай!“ и затѣмъ „ваводъ, пли“! У нѣкоторыхъ казненныхъ слетали черепа и летѣли черезъ яму. Несмотря на то, что драгуны стрѣлами почти въ упоръ и въ затылокъ, нѣкоторые послѣ выстрѣла еще кричали и мучились, и ихъ изъ револьвера дострѣливалъ (?) офицеръ. Не было возможности и снѣмъ смотрѣть на эту картину, и послѣ разстрѣла первой шеренги многіе со слезами ушли. Такъ какъ эти 26 чел. были арестованы предъ казнью и разстрѣляны безъ суда, то о казни ихъ ходятъ толки, будто среди нихъ было немало неповинныхъ. Въ числѣ 14 казненныхъ также были два мальчика, 15 и 17 лѣтъ, сыновья одного эстонца изъ м. Оберпалена. Ихъ разстрѣляли вслѣдствіе (!) того, что скрывшійся ихъ отецъ стрѣлялъ въ Оберпаленѣ въ офицера, хотѣвшаго войти въ его домъ съ солдатами, чтобы арестовать революціонеровъ. Теперь, какъ говорятъ, онъ разысканъ и арестованъ.

„Вечеромъ въ день казни одна изъ вдовъ казненныхъ, отъ горя ли или отъ страха, пошла

было со своими пятью дѣтьми топиться, но была удержана.

„11-го января казнены революціонеры и грабители въ числѣ 13 челов. Производятся жестокія экзекуціи (150—200 ударовъ); экзекуціи были подвергнуты нѣсколько женщинъ, и три ученика городского училища. Одному изъ нихъ попало совсѣмъ по ошибкѣ: попавъ въ толпу конвоированныхъ солдатами лицъ, онъ не могъ никакъ выбраться. Ошибка замѣчена была послѣ того, какъ его высѣкли.“

„А сколько по ошибкѣ разстрѣяно!...“ спрашиваетъ „Русь“ по поводу этого описанія. Теперь уже извѣстны многіе факты разстрѣловъ по ошибкѣ. Но эти ошибки блѣднѣютъ передъ изобрѣтательной жестокостью какъ остзейскихъ такъ и кровныхъ русскихъ бравыхъ командировъ „боевыхъ“ отрядовъ. Приведемъ, на удачу, нѣсколько выдержекъ изъ мѣстныхъ газетъ. Отряды приходили со спеціальными проскрипціонными списками „виновныхъ“, заготовленныхъ мѣстными баронами, и въ этихъ спискахъ нерѣдко сводились личные счета.

Въ Гайнашѣ орудовалъ князь Енгальчевъ.

„Онъ подозвалъ офицеровъ, передалъ имъ проскрипціонный списокъ и приказалъ разстрѣлять всѣхъ арестованныхъ. Нѣкоторые изъ разстрѣлянныхъ были совершенно невиновны въ какихъ-либо политическихъ преступленіяхъ, на-примѣръ, Юргень, который былъ арестованъ по ошибкѣ вмѣсто другого Юргена; вмѣсто одного занесеннаго въ проскрипціонный списокъ крестьянина застрѣленъ по ошибкѣ его сынъ. Войска по неизвѣстной причинѣ также сожгли одну мельницу... Жители до крайности уstraшены подобными дѣйствіями воинскихъ отрядовъ. Многіе заболѣли душевнымъ разстройствомъ“.

„Въ Бальденѣ драгуны, подъ начальствомъ мѣ-помъ баускаго уѣзднаго начальника, фонъ-Эрцдорфъ-Купфера, по ошибкѣ застрѣлили кузнеца Берзина, тогда какъ въ проскрипціонный списокъ былъ занесенъ другой Берзинъ“.

„Въ Ренгенской волости были арестованы два мызныхъ батрака и сожжены двѣ усадьбы. Жена одного батрака была подвергнута пыткамъ за то, что она отказалась сообщить какія-либо свѣдѣнія относительно своего мужа.“

„Въ Рундаменской волости, драгуны 7-го ян-

варя сожгли 2 усадьбы за то, что хозяева не могли указать, где въ настоящее время находятся ихъ сны вья. Кроме того, они пригрозили сжечь также усадьбу Вибури, если до 9-го января къ нимъ не явятся дочери и сыновья хозяйина усадьбы“.

„Въ Ремгенѣ застрѣлены 4 лица.“

„Въ Старо-Гульбенѣ до 6-го января застрѣлено 13 челоѣкъ. Одинъ трупъ висѣть на развалинахъ сожженнаго замка. Арестованныхъ „гонять сквозь строй“, при чемъ каждому дается около 150 нагаечныхъ ударовъ“.

„Въ Тирзенѣ 6-го января застрѣлено 11 челоѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько мызнихъ батраковъ. Сожжено нѣсколько усадебъ.“

„Въ окрестностяхъ Берзена послѣднія недѣли населеніе проводило въ постоянномъ страхѣ. Имущество закапывалось въ землю. Ложась спать, никто не раздѣвался. Женщины съ дѣтьми часто скрывались въ устроенныхъ въ ямахъ землянкахъ.“

„Роопъ. 14 января войска разстрѣляли арендатора полумызка Баукалнъ, г. Рулисса г. Блатте—арендатора усадьбы Варнакалнъ и

сына усадьбовладельца Мориса. Два усадьбовладельца въ имѣніи получили по 25 ударовъ нагайками, а имущество ихнее сожжено. Кроме того, по 50 ударовъ нагайками дано было одному бывшему усадьбовладельцу и одному рабочему пивоварнаго завода.“

„Скультенъ, 10-го января уланами разстрѣляно 5 парней. Арестованныхъ очень много. Многие изъ нихъ были подвергнуты тѣлесному наказанію, при чемъ каждый получилъ до 100—150 ударовъ нагайками.“

„Войсками руководятъ бароны“.

„Въ Мало-Салацѣ драгуны, которыми командуютъ „почетные полицейскіе“ фонъ-Фитингофъ, фонъ-Нуммеръ, фонъ-Энгельгардтъ и фонъ-Левисъ-отъ-Менаръ, сожгли одну усадьбу и книжную лавку Мелбарда“.

„Въ Лизумѣ 9-го января войска принялись ловить членовъ нов. волостн. правленія, троихъ застрѣлили и многихъ крестьянъ наказали нагайками. Не находя записанныхъ въ прокрипціонный списокъ лицъ, войска сожигаютъ ихъ имущество. Населеніе въ паникѣ“.

„Салацгривская вол. Войска разстрѣляли

Вилѣде, Бахмана и 6 другихъ членовъ мѣстной рабочей организаціи“.

„Въ Скрунденѣ 3-го января прибыли войска всѣхъ трехъ родовъ оружія (въ количествѣ около 1000 человекъ), подъ начальствомъ полковника Солонина. Того же дня было арестовано очень много крестьянъ, въ томъ числѣ учитель Бригантъ, писарь Грантбергъ и др. На другой день артиллерійскимъ огнемъ были уничтожены 4 усадьбы. Такой же участи подвергнется еще много усадебъ. Населеніе въ состояніи отчаянія. Усадьбы опустѣли. Всюду гробовая тишина. Жители скрываются въ лѣсахъ, многимъ уже теперь приходится голодать. Огнемъ уничтожено уже весьма значительное количество съѣстныхъ припасовъ. Съѣстные припасы также конфискуются войсками“.

„Драгунами подъ начальствомъ Назимова, рассказываетъ корр. „Бирж. Вѣд.“, — былъ разстрѣлянъ безъ всякаго суда псаломщикъ церкви Ланешицкаго прихода, Растень. По чьимъ-то таинственнымъ указаніямъ Растень былъ схваченъ. Его привязали къ телеграфному столбу. Приблизилъ мѣстный православный священникъ

и на колѣняхъ, со слезами, умолялъ Назимова пощадить Растена такъ какъ онъ совершенно невиновенъ.

—Разрѣшите хоть причастить его.

—Нельзя.

Бѣдный Растень былъ разстрѣлянъ на глазахъ всего прихода, на глазахъ своей жены и семи дѣтей (младшему полтора года). Сдѣлавши свое дѣло, драгуны уѣхали. Только послѣ отѣзда ихъ покойный былъ отвязанъ отъ позорнаго столба и выданъ на руки жене и сиротамъ.

„Умирають латыши гордо, безъ стона, не прося пощады.

Въ Зосвенгенѣ на дняхъ разстрѣляли члена новаго, поставленнаго по выбору самими крестьянами, волостного правленія, Андрея Аугула.

—Выдайте своихъ товарищей и ваша уснать будетъ смягчена... обратился къ Аугулу офицеръ.

—Генералъ, прикажите вашимъ подчиненнымъ поскорѣе стрѣлять: мнѣ съ вами не о чемъ разговаривать.

Разстрѣляли...

Доказывать, что всѣ эти непостижимые дѣла

человѣческаго пониманія ужасы противозаконны и преступны, было бы излишней тратой времени. Всякій понимаетъ, что ни въ уголовныхъ ни даже въ военныхъ законахъ не можетъ существовать статья, которая позволяла бы разстрѣливать людей безъ суда, безъ слѣдствія, безъ допроса, наугадъ, которая позволяла бы сжигать усадьбы, пытать и съечь женщинъ, оставлять трупы висющими по нѣскольку дней убивать сына за то, что онъ не донесъ на отца. Все это и еще болѣе ужасныя преступленія совершались тысячами въ Прибалтійскомъ краѣ. и профессоръ Кузьминъ Каравановъ безусловно правъ, когда онъ говоритъ, что „напрасно называютъ превышеніемъ власти“ эту кровавую расправу. „Разстрѣлы безъ суда, предумышленные убійства, за которыя въ мѣстностяхъ объявленныхъ на военномъ положеніи, для всѣхъ и для каждаго положено: лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь... Кто разстрѣливаетъ—убійцы. Кто приказываетъ разстрѣливать—подстрекатели убійства“ (Русь, 29 января).

Какъ ни безчеловѣчны, возмутительны дѣй-

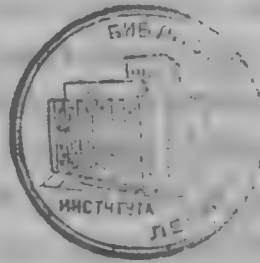
ствіа всѣхъ этихъ успокоителей, ужасъ положенія заключается, однако, не столько въ нихъ самихъ, сколько въ томъ фактѣ, что пославшее ихъ правительство серьезно считаетъ ихъ дѣйствія мѣрами для успокоенія края. Оно серьезно думаетъ, что повѣсить отца на глазахъ сына есть лучшее средство возбудить въ сердцѣ сына преданность къ вѣшателю. Оно убѣждено, что стоитъ сжечь деревню, разстрѣлять дюжину крестьянъ на глазахъ остальныхъ и заставить этихъ остальныхъ, подѣжками пулеметовъ, пропѣть хоромъ божу царя храни и прокричать ура,—и всѣ они сдѣлаются вѣрными слугами престола и своихъ помѣщиковъ. „Въ мѣстечкѣ Панычо 28-го декабря войска при звукахъ народнаго гимна казнили трехъ арестованныхъ въ мѣстечкѣ лицъ, имущество которыхъ было торжественно сожжено въ присутствіи большой толпы народа“. Такія извѣстія приходятъ со всѣхъ концовъ Балтійскаго края, и та же система пѣнія гимна подѣ акомпаниментъ пулеметовъ проводится на Кавказѣ и по всей Сибири. Кто, кромѣ совершенныхъ дикарей, можетъ

вѣрить въ успокоеніе края такими мѣрами? И ужасъ положенія заключается въ томъ, что такимъ дикарямъ отдана на поруганіе наша родина, что имъ позволено производить свои дикіе опыты надъ великимъ народомъ.

Д. Альдіоновъ,

И змѣнѣнныя въ зѣнахъ и въ
 -отъ дѣлѣ въ зѣнахъ въ зѣнахъ
 -отъ дѣлѣ въ зѣнахъ въ зѣнахъ
 -отъ дѣлѣ въ зѣнахъ въ зѣнахъ
 -отъ дѣлѣ въ зѣнахъ въ зѣнахъ

У. Число

ИЗДАНИЯ „ВОЛИ“

ЧУХОНСКАЯ ДИНАСТІЯ.	10 к.
ПОЛЕЗНЫЯ ДЛЯ ВСѢХЪ СВѢДѢНІЯ. .	5 к.
РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ (Сцена-шутка) . .	5 к.
СБОРНИКЪ ВОЛИ № 1	75 к.
БѢЛЫЙ ТЕРРОРЪ	20 к.
ПО ЗАКОНУ. Разсказъ	5 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Разсказы изъ исторій франц. революціи.

В. Г. Богоразъ (Ганъ) и Бѣлый кандидатъ.

Сборникъ Воли № 2.

